

ЛИНГВОПОЭТИКА И СЕМАНТИКА / LINGUOPOETICS AND SEMANTICS

Н.Б. Бугакова, С.А. Скуридина
N.B. Bugakova, S.A. Skuridina

ТЕРМИН РОДСТВА МАТЬ В РАННЕЙ ПРОЗЕ А. ПЛАТОНОВА

THE TERM "MOTHER" IN A. PLATONOV'S EARLY PROSE

В настоящей статье рассматривается специфика функционирования термина родства «мать» в ранней прозе А. Платонова. Авторами отмечается, что лексемы, обозначающие родственные отношения, по-прежнему занимают важное место в русской лингвокультуре, поскольку отражают социальные нормы и особенности взаимодействия внутри семьи и проявляются в оппозиции «свой – чужой», реализуя идентифицирующую функцию. В связи с тем, что термины родства относятся к древнейшему общеславянскому фонду и возникают в речи с высокой частотностью, они активно используются в литературных произведениях. Новизна исследования обусловлена недостаточным количеством научных работ, посвященных анализу функций терминов родства в художественных текстах, и единичными работами, анализирующими термины родства в творческой лаборатории А. Платонова, в художественных текстах которого термины родства не только вводятся для обозначения кровных связей, но и становятся символическими маркерами духовных и моральных качеств персонажей, отражающих их внутреннюю сущность и отношение к миру. Так, термин родства «мать» в ранней прозе приобретает особую значимость, транслируя одновременно близость и отчуждение, любовь и боль, жизнь и смерть. Образ матери глубоко автобиографичен и связан с образом матери А. Платонова – Лобочихиной Марии Васильевны. Для реализации образа матери писателем используются лексемы «мать», «мама» (включая звательную форму «мам»), «матерь». Мать в произведениях А. Платонова объединяет христианский, языческий смыслы, так как они позволяют создать представление о целостности жизни: мать, Мать-сыра-земля, Богородица, а впоследствии Родина являются разными ипостасями рождающей субстанции. Употребляется А. Платоновым слово категории родства «мать» и в составе междометных образований, например, «мать честная», а также в составе бранных выражений, являющихся окказиональными, например, «мать твоя жабые брюхо».

Ключевые слова: А. Платонов, термины родства, родственный код, мать, ранняя проза.

This article examines the specifics of the functioning of the kinship term "mother" in A. Platonov's early prose. The authors note that lexemes denoting kinship relations still occupy an important place in Russian linguistic culture, since they reflect social norms and features of interaction within the family and manifest themselves in the "friend-foe" opposition, realizing an identifying function. Due to the fact that kinship terms belong to the oldest common Slavic stock and occur in speech with high frequency, they are actively used in literary works. The novelty of the research is due to the insufficient number of scientific papers devoted to the analysis of the functions of kinship terms in literary texts, and isolated works analyzing kinship terms in the creative laboratory of A. Platonov, in whose artistic texts kinship terms are not only introduced to denote blood ties, but also become symbolic markers of the spiritual and moral qualities of characters, reflecting their inner essence and attitude to the world. Thus, the term of kinship "mother" in early prose acquires special significance, simultaneously conveying closeness and alienation, love and pain, life and death. The image of the mother is deeply autobiographical and is connected with the image of A. Platonov's mother, Lobochikhina Maria Vasilyevna. To realize the image of a mother, the writer uses the lexemes "mother", "mother" (including the vocative form "mom"), "mother". The mother in the works of A. Platonov combines Christian and pagan meanings, as they allow us to create an idea of the integrity of life: mother, Mother cheese-earth, the Virgin, and later the Motherland are different hypostases of the generative substance. A. Platonov uses the word of the kinship category "mother" both as part of interjective formations, for example, "honest mother", as well as as part of abusive expressions that are occasional, for example, "your mother is a toad's belly".

Key words: A. Platonov, kinship terms, kinship code, mother, early prose.

DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-44-51

Известно, что термины родства сформировались еще в общеиндоевропейский период, что обуславливает их повсеместное существование. Е.Ю. Воробьева отмечает, что «архетип Матери – это универсальная априорная категория бытия, присутствующая во всех без исключения цивилизациях. Инанна, Иштар, Кибела, Нюйва, Шакти и т.д. олицетворяли процессы создания мира, управления природой, покровительства всем существам, населяющим землю. Они старше, чем само человечество, потому что даровали жизнь первым людям и все, связанное с рождением и смертью, находилось в их власти» (Воробьева Е.Ю.). Неслучайно, что в русской лингвокультуре существует образ Матери-сырой-земли, который неоднократно возникает в фольклорных текстах разных жанров и «имеет сакрально-обобщенное значение»: «подразумевает основу, порождающую субстанцию» [1, 213].

Однако необходимо отметить, что славянские термины родства характеризуются определенным своеобразием, которое «обусловлено более поздним формированием некоторых слов уже в условиях обособленности славянских языков» [24, 26].

В настоящее время термины родства занимают важное место в русской лингвокультуре, поскольку по-прежнему отражают социальные нормы и особенности взаимодействия внутри семьи и проявляются в оппозиции «свой – чужой», реализуя идентифицирующую функцию, выступая «заместителями имени в случае его незнания или незначимости в реальном коммуникативном акте» [8, 199].

В современной лексикографии под лексемой *мать* понимается родительница, женщина по отношению к своим детям; самка по отношению к своим детенышам; *иногда* – женщина вообще. Мать состоит со своими детьми в кровном родстве, которое «считается самым важным (эталонным) видом родства, родством в прямом, узком или собственном смысле слова; по отношению к нему в первую очередь формулируются регламентации

поведения, на него ориентируются нормы, относящиеся ко всем другим видам родства» [30, 198]. Существует определенная иерархия родственных отношений, когда традиционно в семье на первом месте стоит отец, затем идут мать, братья и сестры [29, 154].

Очевидно, что «национальная символика широко представлена в литературе на любом этапе ее развития» [16, 34]. Художественные образы, символы, архетипы и ключевые понятия выражают уникальный культурный код нации, «объективируются в контексте конкретной социокультурной ситуации и в зависимости от замысла автора и сюжетной ситуации участвуют в раскрытии идейно-художественного замысла произведения. При этом они отражают национальное мировоззрение, менталитет, традиции народа, своеобразие его культуры, дополняя образ множественностью новых смысловых нагрузок», – отмечает И.Ю. Кириллова [16, 34]. Кроме того, исследователь считает, что «интенсивность обращения к символам, как правило, зависит от социально-исторических перемен и развития общественно-философской мысли в целом. Особое значение они приобретают в переломные эпохи, в период ожидания нового и неизвестного как прогноз, предвестие перемен, готовящихся в жизни общества, нации» [16, 35]. Эта гипотеза подтверждается текстами А. Платонова, который в ранних произведениях активно обращается к теме семьи и родственных связей, выраженных через разнообразные термины родства, которые не ограничиваются номинативной функцией, а становятся символическими обозначениями духовных и моральных качеств персонажей, отражая их внутреннюю сущность и отношение к миру.

Настоящая работа посвящена анализу термина родства *мать* и особенностям его функционирования в ономастической лаборатории А. Платонова. Материалом для исследования послужили ранние рассказы писателя, включенные в первый том собрания сочинений, который был подготовлен к изданию в 2004 году инициативной группой платоноведов ИМЛИ РАН. Методом сплошной выборки из прозаических произведений, вошедших в первый том, нами были отобраны случаи употребления писателем лексемы *мать* и ее словоформ.

Новизна предлагаемого исследования обусловлена недостаточным количеством научных работ, посвященных анализу функций терминов родства в художественных текстах [10; 27]. Отметим, что работы, анализирующие термины родства в творческой лаборатории А. Платонова, единичны [8].

Актуальность исследования непосредственно связана с непреходящей актуальностью образа матери, а также с важностью этого образа в картине мира писателя.

В данной статье использовались следующие методы: лингвистического наблюдения и описания, этимологический, словообразовательный, ономастический, лингвокультурологический анализ.

Персонажами ранней прозы Платонова мать воспринимается как олицетворение спокойствия, домашнего уюта; полагаем, именно об этом думает герой рассказа «Бучило»: «Кругом нары, храп, пот, вонь, а внутри Евдокима прохладные вечерние деревенские дороги и ждущая ужинать мать» [2, 18]. Здесь мать предстает носительницей «жизни и любви, это тот человек, который заботится и опекает своего ребенка, в связи с чем не менее актуальным выступает союз матери и ребенка как мельчайшая группа общества» [21]. Об этом помнят герои Платонова, потерявшие мать и жалеющие, что теперь «некому его вспомнить даже в погожий день» [2, 92]. Очевидно, так реализуется «поддерживаемая ... посредством культа Богородицы коннотация термина «мать» как кормилицы и заступницы» [30, 198], что подтверждают герои Платонова, полагающие, что «мать спасает мир» [2, 197], потому что способна сделать человека человеком. По мнению А.Ю. Грязновой, «главной характеристикой женщины-матери у писателя является жертвенность, заключающаяся в полной отдаче себя во имя ребенка. Рожая и выкармливая детей, мать отдает им не только свою заботу, но и свое тело, оставляя себе только самое малое, необходимое для поддержания жизненных сил» [12, 128].

И в данном случае образ матери соотносится с образом Матери-сырой-земли, так как в произведениях Платонова «земля – это всеобщая кормилица, она является источником сил и здоровья» [26, 26].

Архетип матери в русской национальной картине мира «обращен к сохранению вечной цепи рождений-смертей-рождений» [9]. Кроме того, отметим, что образ матери напрямую взаимосвязан с образом родного дома: материнская фигура символизирует домашний очаг, а сам дом воспринимается как воплощение материнского начала. Мать олицетворяет добро, защиту, в то время как окружающий мир, напротив, враждебен, и это могут не понимать только дети: «Пусть те, кто дети, играют в песке и думают, что мир им мать» [2, 178]. Без матери «страшно ждать ночь и ночью жить. А если мать не придет?» – такие мысли волнуют героев Платонова, и они зовут мать: «Мам! Мама!» [2, 239] или, проголодавшись, говорят: «Мам, исть хотца. Дюже. Дай ломоть. Да поболе посоли» [2, 239]. Отметим здесь употребление диминутивной формы *мама*, представляющей собой эмоционально окрашенный синоним слову *мать*. Примечательно введение писателем в текст произведения деривата *мам*, представляющего собой форму звательного падежа лексемы *мама*. Полагаем, такое употребление демонстрирует тесную связь персонажа с матерью, в которой герой, в соответствии с архетипическими представлениями русского народа, мать осмысливается как защитница, заступница, а также как «питающая, кормящая» [5, 257].

Кроме лексемы *мать*, писателем используется форма *матерь*, перешедшая в современную обиходную речь из церковнославянского дискурса. Так, один из героев сообщает, что «жалко ему матерь» [2, 239]. Словари приводят лексему *матерь* с пометкой *высок. устар.* В соответствии с лексикографическими данными, эта лексема имеет то же значение, что и лексема *мать*. Отметим, что лексема *матерь*, в частности, входит в состав устойчивого сочетания *Матерь Божья*, что свидетельствует об отождествлении Платоновым любой матери с образом Богородицы. Полагаем целесообразным сказать о параллелях, проводимых, на наш взгляд, писателем: мать – заступница, Богородица, как известно, тоже. В частности, вспомним распространенный сюжет, в честь которого установлено празднование Покрова Пресвятой Богородицы 14 октября. В основе праздника – «явление Пресвятой Богородицы, произошедшее во время богослужения во Влахернском храме Константинополя» [19, 341]. Известно, что Константинополю угрожало варварское нашествие, и однажды в этом храме во время Всенощной состоялось явление Богородицы, которая «сняла со Своей головы покрывало и прострела его над молящимися, защищая их от врагов видимых и невидимых» (там же). Константинополь был спасен, т.е. Матерь Божия спасла и помогла. Таким образом, в текстах Платонова находят отражение народные представления о матери, ассоциирующие ее с Богородицей. Известно, что в основе сознания писателя находятся категории православной догматики [3, 39]. В современной науке представлены исследования, посвященные выявлению влияния на творчество писателя христианских духовных традиций [11; 13; 14; 25]. Нами так же отмечалось, что, «будучи учеником церковно-приходской школы, Платонов изучал Закон Божий» [7, 47]; кроме того, по признанию самого писателя, выросшего в Ямской слободе г. Воронежа, он часто слушал звуки колокола Чугунной церкви, бывшей духовным центром слободской жизни: «Колокол «Чугунной» церкви, – вспоминал Платонов, – был всею музыкой слободы, его умирительно слушали в тихие летние вечера старухи, нищие и я» [23, т. 3, 487]. Очевидно, что эти воспоминания не могли не найти отражение в творчестве писателя; Е.Н. Проскурина считает, что «детский опыт сохранился в активной памяти писателя, о чем свидетельствует поэтика платоновских произведений, а также любовного эпистолярия, прошитых аллюзиями на Священное Писание» [25, 76]. Кроме того, определенное влияние на формирование сознания будущего писателя оказало то, что круг чтения в слободе к началу XX века складывался в основном из церковных книг, духовно-нравственной, житийной литературы.

Рассмотрение термина родства *мать* позволяет предположить, что, по мнению героев Платонова, повзрослев, человек понимает, что только мать принимает нас любимыми. Подтверждение этой точке зрения находим в рассказе «Тютень, Витютень и Протегален», одного из персонажей которого «сорок лет назад родила ... мать в овине» [2, 220]. Мать «думала, что глист вылезает» [2, 220], так родился Протегален. Персонаж имеет имя – Ваня, представляющее собой диминутив антропонима Иван (ивр. יְהוָה Йоханан) – «Яхве (Бог) пожалел», «Яхве (Бог) смиростивился», «Яхве (Бог) помиловал» [28, 232]. Думается, употребление этого антропонима призвано продемонстрировать читателю, что Бог хранит героя. Отметим, что антропоним *Иван* достаточно часто употребляется писателем. Полагаем, подобная ситуация обусловлена традиционностью данного антропонима для русской национальной картины мира и является «отражением картины мира писателя, основой его мироздания» [7, 226]. Платонов писал, что «сознание себя Иваном-дураком – это самосознание народа (класса). Самое такое самосознание показывает, что мы имеем дело с народом-хитрецом, умницей» [22, 78]. Поскольку Иван и Марья – это «герои сказок, мифологические персонажи, предположим, что уже в раннем творчестве писателя начинает формироваться дуальность восприятия мира, легшая в основу мифопоэтических представлений А. Платонова» [7, 226].

Примечательно, что к персонажу никто не обращается по имени. Мать «звала его веревочкой, ветошкой, срамотой своей, на все лады, но не Ваней. А подрос Ваня, и прозвали его Протегалнем, а кто – тощей верстой» [2, 220]. По нашему мнению, таким образом реализуется одна из ключевых особенностей модели ономастического творчества писателя, который лишает персонаж имени, используя вместо антропонима прозвище. Это «отражает концепцию изображаемого писателем мира, характеризует внутренний мир персонажей, их роль в развитии сюжета, а также способствует выявлению художественных смыслов произведения» [7, 299]. Вслед за М.М. Бахтиным будем считать, что прозвище является формулой перехода, так как, делая нарицательное собственным, «переплавляет, перерождает» [4, 147]. Таким образом осуществляется смена идентичности персонажа. Этой же точки зрения придерживается О.В. Ланцова, которая сообщает, что герои, «обладающие псевдонимом или прозвищем, ведут игру, а постоянное ношение имени-маски символизирует отказ от настоящего имени. Таким образом, обозначение по признаку или ношение псевдонима, прозвища ... однозначно указывает в первом случае на сокрытие, а во втором – на искажение сущности героя» [18, 249]. Один из героев Платонова, рассказывая о своей матери, не называет ее имени. Вместо этого он подробно описывает географию, с которой связана жизнь матери: «Родом она с Кубани, а в Сибирь приехала с первым мужем – переселенцем из Воронежской губернии» [2, 41]. Примечательно, что имя мужа так же не функционирует в рассказе; по мнению автора, реплика о том, что он – переселенец из Воронежской губернии, более информативна.

Отметим употребление термина родства *мать* в составе междометных образований. Герой «Рассказа о многих интересных вещах» использует распространенное выражение *мать честная*, описывая свои ощущения от «комплекса электромагнитных полей» [2, 268]: «А лихо берут, мать честная, ... не начешешься» [2, 268]. В рассматриваемом примере междометие *мать честная* выражает восхищение, испытываемое героем во время проводимого эксперимента. Он сравнивает действие электромагнитных полей на его организм с тем, «как на кожу его сели как бы четыре тысячи мух» [2, 268]. Такая гиперболизация обуславливает употребление глагола *не начешешься*.

Интересным является использование термина родства *мать* в составе бранного выражения «мать твоя жабье брюхо» [2, 183], очевидно, представляющего собой окказиональное образование. Употребление лексемы *мать* в составе этого выражения демонстрирует, что образ матери действительно имеет высокую ценность в русской лингвокультуре. А.Д. Палкин отмечает, что «русская мать – прежде всего «женщина», «родная» и «родитель»» [21, 75]. Кроме того, исследователь упоминает устойчивое

выражение «женщина-мать», подразумевающее, что «женщине имманентно присущ материнский инстинкт» [21, 75].

Введение в состав этого выражения словосочетания *жабье брюхо* символично: в некоторых культурах жаба является символом плодородия, очевидно, именно поэтому писатель упоминает брюхо как часть тела (в брюхе, как правило, вынашивается потомство). Отметим, что образ лягушки (жабы) широко распространен в мифологиях различных народов и отличается дуальностью смыслов. Во многих мифологических традициях лягушке приписываются как положительные качества, связанные, как отмечалось выше, с плодородием, творчеством и возрождением, так и отрицательные черты, отражающие ее связь с темными силами природы, болезнями и смертью. Примечательно, что в европейских культурных представлениях лягушка зачастую интерпретируется как создание, наделенное демоническими чертами и олицетворяющее собой проявления зла. В русской национальной картине мира образ лягушки (жабы) ассоциируется скорее с негативными значениями. Так, в русских сказках существует устойчивый мотив, согласно которому прекрасные девушки подвергались заклятию и принимали облик лягушек, и освободить их мог только чудодейственный поцелуй доброго героя. Предположим, что писатель, используя образ матери и образ жабы, хотел продемонстрировать глубокую взаимосвязь человека и природы. Эта гипотеза подтверждается точкой зрения о том, что термины родства «в своих вторичных значениях выходят далеко за пределы протозначений и даже за пределы социума: они широко задействованы в области мифологии (языческой и христианской) и в области абстрактных понятий» [15, 5]; кроме того, термины родства, в частности, кровного, «тесно связаны с животным, растительным и предметным миром, с мифологическим пространством и абстрактными понятиями» [15, 1].

Таким образом, завершая рассмотрение термина родства *мать* в ранней прозе Платонова, отметим, что для писателя мать – это не только конкретная женщина, но и один из архетипов, образов в национальной картине мира, в национальном сознании, символизирующий заступницу, помощницу, хранительницу семейного очага, дарующую жизнь человеку. Такие представления основываются на нравственных представлениях народа. Для реализации образа матери писателем используются лексемы *мать*, *мама* (включая форму *мам*), *матерь*. Примечательно употребление термина родства *мать* в составе междометных образований (*мать честная*), а также в составе бранных выражений, являющихся окказиональными (*мать твоя жабье брюхо*). Они становятся символическими обозначениями духовных и моральных качеств персонажей, отражающих их внутреннюю сущность и отношение к миру. Образ матери отражает глубокие философские размышления писателя о смысле жизни, природе человеческого бытия и вечных ценностях семейной близости и преемственности поколений. Мать в произведениях Платонова объединяет христианский, языческий смыслы, так как они позволяют создать представление о целостности жизни: мать, Мать-сыра-земля, Богородица, а впоследствии Родина являются разными ипостасями рождающей субстанции.

1. Агапкина Т.А. Тема родства в восточнославянских лечебных заговорах // Категория родства в языке и культуре / под ред. С.М. Толстой. М., 2009. С. 212–224.

2. Андрей Платонов. Сочинения. Т. 1 (1918–1927). Рассказы. Стихотворения. М., 2004.

3. Антонова Е.В. «Безвестное и тайное премудрости...»: (Догматическое сознание в творчестве А. Платонова) // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества: материалы 2-ой Международной научной конференции, посвященной 95-летию со дня рождения А.П. Платонова, Москва, 17–19 октября 1994 года / ред.-сост. Н.В. Корниенко. М., 1995. С. 39–53.

4. Бахтин М.М. Эпос и роман (о методологии исследования романа). СПб., 2000.

5. Березович Е.Л. Метафорические комплексы, составленные терминами родства, в славянских языках // Категория родства в языке и культуре / под ред. С.М. Толстой. М., 2009. С. 257–278.

6. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2007.
7. Бугакова Н.Б. Модель ономастического творчества в индивидуально-авторской картине мира А. Платонова: дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2023.
8. Бугакова Н.Б., Скуридина С.А., Кузьминых Е.О. Антропонимикон и термины родства в рассказе А. Платонова «Никита» // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2024 Т. 43 № 2. С. 199–205. DOI 10.52575/2712-7451-2024-43-2-199-205.
9. Воробьева Е.Ю. Архетип Матери как субстанциальная константа социоантропологической метафизики // Философия и культура. 2024. № 11. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70383 (дата обращения: 22.05.2025).
10. Вохминцева А.В. Лексема родственного кода «брат» в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Ф.М. Достоевский в смене эпох и поколений: сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Омск, 13–15 марта 2025 года. Омск, 2025. С. 19–20.
11. Глушенкова О.А. Трансформация образа Богородицы в «Матери коммунизма» (на материале рассказа А. Платонова «Родина электричества») // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. Серия: Филология. 2017. № 1 (39). С. 186–188.
12. Грязнова А.Ю. «Искать дороги друг к другу»: сиротство и родство в прозе Андрея Платонова: монография. Воронеж, 2014.
13. Иванов Н.Н. Образность повести А. Платонова «Котлован» в культурном контексте эпохи // Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании: сборник научных статей: [в 2 т.] / редкол.: Э.Ф. Шафранская, Т.В. Павловец (отв. ред.) и др. М., 2011. Т. 1. С. 74–79.
14. Иванов Н.Н. Фаустовские мотивы в русской литературе серебряного века // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 1. С. 26–29.
15. Качинская И.Б. Термины родства и языковая картина мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.
16. Кириллова И.Ю. Образ-символ матери в современной драматургии Поволжья (на примере чувашской и марийской литератур) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46. № 1. С. 34–39.
17. Кулагина А. Тема смерти в фольклоре и прозе А. Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 4. Юбилейный / [ред.-сост. Н.В. Корниенко]. М., 2000. С. 345–357.
18. Ланцова О.В. Пространство безымянности в произведениях Бернардо Ачаги // Знание. Понимание. Умение, 2011. № 1. С. 248–251.
19. Мовлева Н.С. Малый православный толковый словарь. М., 2005.
20. Мурзасов Р.З. Термины родства в контрастивно-типологическом видении // Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22. № 1. С. 98–107.
21. Палкин А.Д. Образ матери в языковой картине мира русских и японцев // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18. № 1. С. 71–83.
22. Платонов А.П. Записные книжки: материалы к биографии. 2-е изд. М., 2006.
23. Платонов А.П. Избранные произведения: Рассказы. Повести. М., 1983.
24. Правдина И.С. Судьба терминов родства в славянских языках // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры, 26–27 мая 2015 г. / отв. ред. О.В. Хаванова. М., 2015. С. 26.
25. Проскурина Е.Н. Духовная традиция в наследии А. Платонова: между притяжением и отталкиванием // Культура и текст. 2016. № 1 (24). С. 75–92.
26. Скуридина С.А., Карташова Е.Н. Лексемы родственно-антропонимического кода в рассказе В.М. Шукшина «Свойка Сергей Сергеевич» // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2025. № 1 (56). С. 224–234.
27. Суперанская А.В. Словарь личных имен. М., 2013.
28. Толстая С.М. Аксиология родства в свадебном фольклоре // Категория родства в языке и культуре / под ред. С.М. Толстой. М., 2009. С. 148–158.
29. Толстая С.М. Категория родства в этнолингвистической перспективе // Категория родства в языке и культуре / под ред. С.М. Толстой. М., 2009. С. 7–22.

30. Ханукаева Р.И. Термин «мать» в русских летописях // *Славянский мир: общность и многообразие: Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры, Москва, 21–22 мая 2019 года / отв. ред. Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова.. М., 2019. С. 197–201. DOI: 10.31168/2619-0869.2019.2.8.*

Информация об авторах

Надежда Борисовна Бугакова,
Воронежский государственный технический
университет (Воронеж, Россия).
394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября,
84.
Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации.
Научные интересы: лингвокультурология,
ономастика.
ORCID ID: 0000-0002-2683-0665
SPIN-код: 1080-8136, AuthorID: 665430
E-mail: bugakovanb@yandex.ru

Светлана Анатольевна Скуридина,
Воронежский государственный технический
университет (Воронеж, Россия).
394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября,
84.
Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского языка
и межкультурной коммуникации.
Научные интересы: ономастика, лингвистика,
поэтика художественного текста
ORCID ID: 0000-0002-2313-2482
SPIN-код: 5975-9507, AuthorID: 654307
E-mail: saskuridina@yandex.ru

Поступила в редакцию 13.12.2025;
одобрена после рецензирования 31.01.2026;
принята к публикации 31.01.2026;
опубликована 20.03.2026.

Information about the authors

Nadezhda B. Bugakova,
Voronezh State Technical University
(Russia, Voronezh).
394006, Russia, Voronezh, 20th Anniversary
of October St., 84.
Doctor of Sciences in Philology, Docent,
Professor of the Department of Russian Language
and Intercultural Communication.
Research interests: linguoculturology, onomastics
ORCID ID: 0000-0002-2683-0665
SPIN-code: 1080-8136, AuthorID: 665430
E-mail: bugakovanb@yandex.ru

Svetlana A. Skuridina,
Voronezh State Technical University
(Voronezh, Russia).
394006, Russia, Voronezh, 20th Anniversary
of October St., 84.
Doctor of Sciences in Philology, Professor,
Head of the Department of Russian Language
and Intercultural Communication.
Research interests: onomastics, linguistics,
poetics of literary text.
ORCID ID: 0000-0002-2313-2482
SPIN-code: 5975-9507, AuthorID: 654307
E-mail: saskuridina@yandex.ru

The article was submitted 13.12.2025;
approved after reviewing 31.01.2026;
accepted for publication 31.01.2026;
published 20.03.2026.

Ссылка для цитирования: Бугакова, Н.Б., Скуридина, С.А. Термин родства *мать* в ранней прозе А. Платонова // *Philologos*. 2026. № 1 (68). С. 44–51. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-44-51.

For citation: Bugakova, N.B., Skuridina, S.A. The term "mother" in A. Platonov's early prose // *Philologos*. 2026. No. 1 (68). Pp. 44–51. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-44-51.

Права: © Н.Б. Бугакова, С.А. Скуридина (2026). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).